

Харлашкин Кирилл Ильич

Магистрант, факультет государственного и муниципального управления,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики»

Концепция политической аномии¹

Аннотация

В статье анализируются особенности посткоммунистической трансформации политической системы России. Рассматривается концепция социальной и политической аномии, описывающая ключевые характеристики современного этапа общественно-политического развития российского общества: незавершенность процесса создания политических институтов, отсутствие разделяемых всеми членами общества политических норм и высокая степень неопределенности относительно будущей траектории политического развития России.

Ключевые слова

Политическая аномия, посткоммунистический транзит, политическая система

Abstract

The article analyzes the peculiarities of Russia's post-communist political transformation. It introduces the concept of social and political anomie, drawing attention to the key characteristics of political development of Russian society, namely incompleteness of the process of creation of political institutions, lack of public consensus on the political norms and high uncertainty with regard to the future of Russia's political development.

Key words: political anomie, post-communist transition, political system

¹ Работа подготовлена в рамках проекта «Политическая аномия в современной России», осуществляемого при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ», № проекта 10-04-0023.

Введение

На всем протяжении последних двадцати лет российское общество являлось объектом пристальных исследований политологов и социологов. Количество работ, посвященных проблеме политического и экономического транзита на территории бывшего СССР, растет из года в год. С одной стороны, причина очевидна – российский опыт перехода от авторитаризма к демократии и от социализма к капитализму во многом уникален и вызывает интерес у каждого компетентного специалиста. С другой стороны, большой массив исследований в данном случае не означает полной проработанности темы. Сегодня российское общество по-прежнему остается загадкой для любого, кто пробует ее «решить». Наблюдаемые в нем процессы и явления – как протестные акции, так и митинги в поддержку власти, стремление к материальному достатку и пренебрежение правами человека, популизм власти и апатия масс – заставляют предпринять новую попытку объяснения происходящего.

Российское общество проблемно. Оно не развивается по законам, описанным в транзитологической литературе. Модели перехода к демократии и рынку более не приемлемы для России [См.: Капустин, 2001]. Двадцать лет постсоветского развития не привнесли в российскую повседневность верховенство закона, уважение к правам человека, активную публичную политику, самоорганизацию граждан и их некоммерческую деятельность по защите общественных интересов. Можно привести множество причин складывания такой ситуации, но этого не будет достаточно для ее интерпретации. Таким образом, российское общество подвержено некой неопределенности, которая и составляет его проблему [См.: Олейник, 2007]. Цель данной работы — диагностировать эту неопределенность и подобрать ту теорию, которая способна наилучшим образом описать происходящее. Актуальной задачей

представляется попытка выхода за рамки мышления в транзитологической парадигме и описание того, что происходит в обществе «на самом деле». В качестве рабочей теории выбрана концепция социальной и политической аномии, разрабатывавшаяся рядом исследователей на протяжении XX в. В общем смысле, аномия – это состояние общества, характеризующееся рассогласованием и неопределенностью норм, регулирующих социальные взаимодействия [Ковалева, 2005, с. 155-156]. В данной работе будет исследована эволюция данного понятия, проведено его сравнение с родственными понятиями и доказана его принципиальная применимость к диагностике состояния развития российского общества. Предлагаемая гипотеза заключается в том, что распространение аномии в современной России происходит благодаря существующей политической системе и политическому режиму, стимулирующему рассогласование и утрату действующих норм. Аномия в современной России является, прежде всего, политическим феноменом – она проецируется властью на общество и отдельных его членов. Данная работа призвана выявить природу аномии и подтвердить предложенную гипотезу.

Эволюция понятия «аномия»

Основоположником теории аномии является французский социолог Эмиль Дюркгейм. В его интерпретации аномия – это отсутствие четких норм поведения и моральная неустойчивость общества, наступающая в результате изменения иерархии ценностей. Он считал, что аномия распространяется в ситуации перехода от доиндустриального типа общества к индустриальному, когда один тип общественной солидарности, основанный на коллективной традиции, заменяется другим, основанным на функциональной взаимозависимости индивидов. «Функциональное разнообразие влечет за собой моральное, которое ничто не может предупредить; одно неизбежно возрастает вместе с другим. <...>

Коллективные чувства все более бессильны сдерживать центробежные тенденции, которые, как думают, порождаются разделением труда. <...> Эти тенденции увеличиваются по мере усиления разделения труда, а с другой стороны – сами коллективные чувства в то же время ослабевают» [Дюркгейм, 1996, с. 370]. Аномия провоцирует размывание коллективных норм и целостности традиционных групп и является фактором увеличения количества самоубийств и других социальных отклонений. Дюркгейм видел в аномии «болезнь роста» общества, неизбежный этап перехода к новой стадии общественного развития. Его теория аномии – это во многом констатация неизбежного. Аномия существует как данность, а потому необходимо принимать ее за норму в определенных сферах жизни общества (например, в коммерции и промышленности) и стремиться к минимизации потерь от ее существования в других [Ковалева, 2005, с. 155-156].

Дальнейшее развитие теория аномии получила в работах ряда американских социологов второй половины XX в. Наиболее существенный вклад в изучение проблемы социальной аномии внес Роберт Мертон в статьях «Социальная структура и аномия» и «Связи теории социальной структуры и аномии». В них он определял аномию как ситуацию, возникающую в результате рассогласования распространяемых массовой культурой целей и имеющихся средств их достижения. На примере США было показано, что некоторых разделяемых обществом целей невозможно достичь, не прибегая к незаконным или аморальным средствам. Такое рассогласование стимулирует девиантное поведение индивидов, что, в свою очередь, приводит к появлению в обществе структурой аномии. «Одна из наиболее общих функций социальной структуры состоит в том, чтобы закладывать основу предсказуемости и постоянства социального поведения; и ее эффективность все более и более снижается по мере диссоциации этих элементов социальной структуры. В предельном случае

предсказуемость снижается до минимума, и возникает то, что можно с полным правом назвать аномией» [Мертон, 1994b, с. 280].

Опираясь на концепцию аномии, Роберт Мертон выделял пять способов приспособления к ней: конформизм, инновация, ритуализм, бегство, мятеж. Таким образом, концепция аномии Роберта Мертона концентрируется на дисбалансе между культурными целями и нормативными возможностями индивидов. Это приводит к нарушению социальной структуры и появлению различных форм адаптации к аномичной ситуации. Американский социолог Толкотт Парсонс в своей книге «Социальная система» расширил типологию способов приспособления к аномии и объяснил их возникновение невыполнением ожиданий [Феофанов, 1992, с. 88]. Спустя некоторое время Роберт Дубин продолжил описание возможных способов реакции на аномию, разграничив институционализированные нормы и действительное поведение индивидов и групп [Там же]. В целом, концепцию аномии, разработанную Робертом Мертоном и его последователями, принято считать социологической, так как она сфокусирована на изучении состояния структур общества и отдельных социальных групп.

Параллельно с разработкой социологической концепции аномии предпринимались попытки формулирования концепции индивидуальной психологической аномии. В ее рамках аномия – это испытываемое отдельным индивидом ощущение утраты социальных связей и взаимоотношений. Роберт Мертон приводит следующую цитату автора концепции индивидуальной аномии Роберта МакИвера: «Аномия является состоянием ума, в котором человеческое восприятие социальной сплоченности – движущая сила его морального состояния – разрушено или фатально ослаблено» [Цит. по: Мертон, 1994а, с. 283]. Психологическая аномия – это ситуация, в которой человек теряет социальные ориентиры и чувство принадлежности к обществу. Как полагал Роберт МакИвер,

психологическая аномия развивается по причине существования «...трех проблемных характеристик современного демократического общества»: культурного конфликта, капиталистической конкуренции и стремительности социальных изменений [Феофанов, 1992, с. 89]. Его коллега Дэвид Рисмен выработал схожее определение психологической аномии, объяснив ее возникновение неприспособленностью индивидов к изменениям в обществе [Там же, с. 90].

Социолог Лео Сроул предложил методику измерения уровня индивидуальной аномии, выделив пять ключевых сфер общественной жизни – политика, культура, экономика, социальные нормы, отношения с окружающими [Там же]. В процессе разработки собственной методики Лео Сроул признал детерминацию индивидуально-психологической аномии социальной аномией, указав при этом на значимость обратной причинной связи. Другое соотношение социальной и психологической аномии предложил Хуан Линц, назвав ситуацию индивидуального конфликта целей и средств «простой аномией», а масштабную рассогласованность норм социальной жизни – «острой аномией» [See: Brooks]. Наличие двух уровней аномии подтверждается даже орфографически: в английском языке социальная аномия называется «anomie», в то время как для описания индивидуальной аномии используется слово «anomy». Впрочем, и индивидуальная, и социальная аномия представляют собой концепции, описывающие сходный феномен утраты социальных ориентиров, норм и связей на базовых уровнях человеческого существования – на уровне личности и на уровне группы.

Многообразие подходов к определению аномии говорит о том, что на данный момент не существует единой теории аномии, которая может быть применена к любой конкретной ситуации. В связи с этим, возникает необходимость формирования авторского подхода к пониманию аномии. На данный момент возможно выделить следующие элементы концепции

аномии: аномия как рассогласованность норм; аномия как утрата ориентиров и целей; аномия как неопределенность положения и статуса индивидов и (или) групп; аномия как причина девиантного поведения индивидов и (или) групп; аномия как недостаток рефлексии и негативная оценка происходящего. На основании этих параметров аномии возможно перейти к формулированию концепции аномии, применимой к современному российскому обществу.

Политическая аномия

Концепция аномии, разработанная Робертом Мертоном и его американскими коллегами, не раз применялась для описания ситуации, сложившейся в современной России. Однако ее использование не всегда было достаточно обосновано и зачастую носило декларативный характер, постулируя проблемность российского общества. Слово «аномия» использовалось исключительно для описания некоторой неопределенной кризисной ситуации. Подобная практика ситуативного использования слова «аномия» существует до сих пор. К примеру, Георгий Сатаров в одной из своих работ назвал аномичным высокий уровень коррупции в стране [Сатаров, 2010]. Проблема использования концепции аномии состоит в том, что она не имеет конкретной аналитической сетки, которая помогла бы точно определить данный феномен. Концепция аномия служит скорее для констатации проблемы, а не для ее аналитического исследования. В связи с этим, первоочередной задачей данной работы является конкретизация концепции аномии с целью расширения возможностей по ее использованию в политических исследованиях. Для этого требуется, в первую очередь, определение базовых элементов теории аномии, которые останутся в формулируемой на ее основе концепции политической аномии. Уже описанные признаки аномии по Роберту Мертону являются ядром теории, а потому любое определение аномии

автоматически акцентирует внимание на рассогласованности норм, неопределенности статусов индивидов и групп и т.д.

Таким образом, существует некоторый каркас ключевых элементов концепции аномии, который представляется возможным наполнить содержанием, найдя причины, которые наилучшим образом докажут ее применимость для анализа развития современного российского общества. Преимущества использования концепции аномии могут быть следующими:

Во-первых, она позволяет выйти за рамки транзитологической парадигмы.

Во-вторых, она имеет референтную точку и источник, которым является политическая система и политический режим современной России.

В-третьих, она имеет политический характер.

В целом, концепция политической аномии может иметь содержательный смысл, и ее использование открывает новые возможности по изучению траектории развития современного российского общества.

Демократический транзит и политическая аномия

Традиция использования аномии как характеристики изменяющихся обществ восходит к Эмилю Дюркгейму. Как уже было указано, он использовал концепцию аномии для объяснения роста девиаций в процессе перехода к системе разделения труда. Такая интерпретация аномии стала причиной ее релевантности при исследовании постсоветских транзитных обществ. Например, концепция аномии использовалась для сравнительных исследований общественной ситуации в России и Украине [См.: Головаха, Панина, 2008]. В работе Евгения Головахи и Натальи Паниной под аномией подразумевается деморализация общества, происходящая при переходе к демократическим нормам функционирования государства [Там же, с. 6]. Кроме того, в качестве источников аномии в России называются

пространство и власть – два вечных «бремени» страны [Там же, с. 6-7], затрудняющих переход к демократии и провоцирующих деморализацию общества.

Еще одним примером использования концепции аномии для анализа динамики развития постсоветского общества являются работы Владимира Кривошеева. Он указывает, что причины аномии российского общества находятся не только в сфере трансформации институтов, но на более фундаментальном уровне. Происходит смена жизненных проектов, вызванная переходом России к постиндустриальному типу экономики и общественной жизни. Информатизация, развитие новых технологий, визуализация приводят к сокращению срока жизненных проектов индивидов – они осмысливают свои жизненные планы лишь на короткий срок (один-два года) [Кривошеев, 2009, с. 57]. «Для современного общества, насыщенного горизонтальными связями (сетями), обладающего качественно иными коммуникационными и информационными возможностями, все в большей мере характерна, на наш взгляд, специфичная форма проявления аномии, которую можно определить как ситуацию коротких жизненных проектов» [Там же].

Таким образом, концепция Владимира Кривошеева, в отличие от социологической концепции Евгения Головахи и Надежды Паниной, является индивидуально-психологической и затрагивает вопрос о месте человека в современном информационном обществе. Тем не менее, обе данные концепции имеют один существенный недостаток: они понимают аномию как проблемную ситуацию переходного общества, возникающую в результате локальных политико-экономических или глобальных изменений. Иными словами, они считают проблему аномии ситуативной, возникающей при определенных условиях в определенном обществе – и проведение «правильной» государственной политики способно обеспечить «деаномизацию» общества.

Как представляется, аномия возникла не только по причине перехода постсоветского российского общества к демократии и рынку – и ее применение в России не должно ограничиваться анализом перехода из одного состояния общества в другое потому, что сегодня мы не можем сказать определенно, продолжается ли этот переход, и куда он нас ведет. Аномию в постсоветской России нужно понимать как резкий рост неопределенности, которая существует в обществе всегда. Существование аномии в российском обществе – естественное явление, уровень распространенности которого может возрастать или снижаться при определенной совокупности факторов. Логичным является вопрос о том, что это за факторы и кто отвечает за их возникновение? Ответ на него позволит выявить точный источник аномии в России.

Аномия как политическая стратегия

По-видимому, в России существует определенный источник продуцирования аномии – и в целях его поиска необходимо оттолкнуться от социологической концепции аномии Роберта Мертона. Как уже говорилось, он определял аномию как рассогласование культурных целей и нормативных средств их достижения. Применительно к России такое определение аномии недостаточно верно. В российской политической культуре, в отличие от американской, не существует таких целей, которые бы разделялись большинством общества на протяжении длительного времени. Сравнение социологических опросов, проводившихся в 1980-х и 2000-х годах, показывает, что материальный достаток стал преобладающей целью сравнительно недавно [Там же, с. 58]. Поиск других объединяющих ценностей не способен привести к каким-либо значимым находкам. Причина их нехватки объясняется переходом российского общества к демократии и рынку – элементам западной цивилизации, отсутствовавшим в России на протяжении большей части XX века.

Таким образом, необходим поиск других, более существенных и фундаментальных причин роста уровня аномии в современной России. В частности, можно обратиться к тем причинам, которые указывают в своей статье Евгений Головаха и Надежда Панина. Пространство вряд ли является достаточным фактором для развития масштабных процессов, которые происходят в России. К примеру, тяжело связать проблему «пространственного бремени» и рост коррупции в обществе, или недостаток общественной солидарности по критически важным для страны вопросам. Однако вторая причина распространения аномии – государственное давление на общество – выглядит более обоснованной. Политическая система современной России может считаться главным источником аномии в обществе. Аномия в современной России производится на уровне институтов власти и транслируется на уровень общества и отдельных индивидов. Иными словами, и социологические, и психологические проявления аномии в России имеют политический характер. Аномию в российском обществе следует называть политической потому, что именно политика, проводимая государственными институтами, порождает постоянное воспроизводство данной проблемы в ежедневных социальных практиках. Обоснованность данного суждения может быть доказана рядом явлений.

Политическая аномия является паттерном поведения и взаимодействия элит и общества в России. Во-первых, распространение аномии происходит из-за отсутствия развитого гражданского общества. Пользуясь терминологией Юргена Хабермаса, можно сказать, что в истории России не было прецедента возникновения общественной площадки для обсуждения значимых интересов общества и каналов их трансляции государству [См.: Хабермас, 1992]. Отношения власти как государственной организации и общества как совокупности индивидов не были опосредованы существованием различных групп, представлявших

интересы последних. Во-вторых, аномия в России становится особенно выраженной, когда политическая власть находится в кризисном состоянии. Неспособность государства диктовать обществу «правила игры» и его системная слабость обычно порождают необходимость формирования обществом целей и норм. В данном случае уместно привести цитату Федора Достоевского о том, что «...нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы поскорее передать дар этой свободы, с которым это несчастное существо рождается» [Достоевский, 1958, с. 336].

Традиционная «кратократическая» природа российского общества тяжело переживала «безвластные» периоды истории страны. В итоге, можно утверждать, что именно политическая система является источником рассогласования норм, неопределенности положения в социально-политическом пространстве групп и индивидов, девиантного поведения, отсутствия социальной рефлексии и целеполагания. В связи с данными причинами усиление аномии в российском обществе стоит считать реакцией его политической культуры на действия власти. Пользуясь терминологией неоинституционализма, можно сказать, что аномия в российском обществе является проявлением его «зависимости от пути развития» [См.: Одинцова, 2009]. Для обоснования этого тезиса необходимо выявить тот элемент современной аномии, который ответственен за ее воспроизводство в постсоветской России.

Проблема политической аномии

При поиске причины распространения аномии наиболее оправданным представляется обращение к разработанной Львом Гудковым и Борисом Дубиным концепции развития посттоталитарного синдрома российского общества. Некоторые элементы этой теории имеют много общего с концепцией политической аномии. Во-первых, выработка концепции посттоталитарного синдрома также является попыткой

преодоления транзитологической парадигмы. Во-вторых, этот синдром, как и политическая аномия, укоренен в политической истории и культуре России. В-третьих, его описание также сфокусировано на описании механизмов осуществления контроля над обществом со стороны государства. Следовательно, посттоталитарный синдром может считаться одним из проявлений политической аномии.

Для доказательства существования взаимосвязи между посттоталитарным синдромом и политической аномией приведем несколько цитат из работы Юрия Левады, Льва Гудкова и Бориса Дубина: «Несмотря на все видимые изменения в общественной и политической жизни, не произошло отделения государства от общества (равно как и общества от государства), автономизации и структурно-функциональной дифференциации социальных институтов» [Гудков, Дубин, 2007, с. 18]. «Вынужденное приспособление к рыночной системе само по себе не порождает и не закрепляет демократические образцы общественного устройства. На деле в отечественных условиях было закреплено «лояльное» отчуждение «массового человека» от государства, от власти, от политики» [Левада, 2004, с. 15]. Наконец, приведем их главный вывод о состоянии российского постсоветского общества: «Сам подобный процесс (процесс затяжного распада советской системы власти и поддерживающей ее структуры социума – *прим. авт.*) приходится называть «метафорическим», так как его индикаторы могут быть выражены и соответственно восприниматься лишь в переносном, двусмысленном, нерационализированном виде. <...> Их действие сдерживается лишь особенностями политической культуры широких групп населения в постсоветское время, а именно сохранением иллюзий госпатернализма, распространением политической апатии, пассивной (в том числе – снижающей уровень массовых запросов и оценок) адаптацией, разочарованием, цинизмом и прочими проявлениями коллективной

аномии» [Гудков, Дубин, 2007, с. 32].

Приведенные выше цитаты подтверждают, что посттоталитарный синдром может считаться тем элементом, который «запускает» механизмы распространения политической аномии в российском обществе. Можно сделать и более значимые выводы. Посттоталитарный синдром – это не только элемент политической аномии, но и поддерживаемый современной политической властью инструмент управления обществом. Он воспроизводится при помощи эклектического традиционализма советской эпохи и демонстрации безальтернативности выбора тех, кто находится у власти в данный момент [Там же, с. 22]. Политическая аномия продуцируется современной российской властью, не способной и не желающей осуществлять какие-либо изменения. Механизм воспроизводства высокого уровня политической аномии в России носит циклический характер: он начинается с посттоталитарного синдрома и заканчивается им. Посттоталитарный синдром придает политической аномии конкретное значение и наделяет ее смыслом.

Политическая аномия в современной России – это производимая политической системой ситуация затяжного распада советской тоталитарной системы власти и поддерживающей ее структуры социума, характеризующейся рассогласованием декларируемых и реальных норм, неопределенностью статусов индивидов и групп, борьбой конфликтующих морально-нормативных идей, отсутствием рефлексии и целеполагания как в государственной организации, так и в обществе в целом. Политическая аномия, наравне с рынками власти, сословной структурой и поместным территориально-административным устройством, существует в российском обществе «на самом деле» [См.: Кордонский, 2010]. Политическую аномию необходимо описать для того, чтобы российское общество критически посмотрело на происходящие в нем процессы. В связи с этим, необходимо сделать еще несколько шагов к определению политической

аномии. Первый – отделение концепции политической аномии от схожих по смыслу концепций политического абсентеизма и политической апатии. Второй – признание преимуществ и недостатков данной концепции и формулирование ее в окончательном виде.

Абсентеизм, апатия и аномия

При первом приближении аналитической оптики создается впечатление, что концепции аномии, абсентеизма и апатии схожи и описывают одно и то же состояние индивида или общества. Абсентеизм – это неучастие индивидов или групп в общественно-политической жизни общества (прежде всего, выборах). Апатия – неучастие индивидов и групп во всех аспектах жизни общества, вызванное социальным равнодушием и безразличием. По сути, перечисленные выше элементы аномии вполне могут обозначаться и с помощью двух этих понятий. Тем не менее, данные концепции имеют свои отличительные черты, которые позволяют различать их и применять в конкретных ситуациях. В первую очередь, рассмотрим различия между абсентеизмом и аномией, а затем – апатии и аномии. Сравнение трех данных концепций должно объяснить, почему разрабатываемая в данной работе концепция получила название «политическая аномия», а не «политический абсентеизм» или «политическая апатия».

Абсентеизм сходен с аномией в том, что проблема его существования неразрывно связана с политической культурой и степенью гражданской развитости общества. Однако между ними существует больше различий, чем сходств. Во-первых, абсентеизм (лат. «отсутствие») является изначально политической концепцией. Аномия же – преимущественно социологическая концепция, призванная описывать не столько политические, сколько социальные процессы и нормы. Во-вторых, абсентеизм является типом сознательного поведения по неучастию

индивида или групп в электоральных кампаниях в силу неприемлемости для них сложившейся социально-экономической и политической ситуации [См.: Джандубаева, 2005]. Аномия же не является сознательным действием – она описывает состояние общества или индивида, страдающего от неприемлемого рассогласования норм. В-третьих, абсентеизм касается исключительно неучастия в избирательных кампаниях, что заметно сужает возможности применения этой концепции в российской ситуации. К примеру, низкую поддержку кандидатов на выборах можно объяснить при помощи абсентеизма, но для объяснения уровня поддержки, превышающего 100%, требуется уже другая концепция – концепция политической аномии. В итоге, концепцию абсентеизма стоит признать недостаточной для описания современной ситуации в российском обществе. Предлагаемая концепция аномии представляет более точную картину реальности и позволяет исследовать те явления (коррупция, цинизм, правовой нигилизм), которые не учитываются при исследовании политического абсентеизма.

Понятие апатии в российской научной литературе очень часто используется в том же значении, что и абсентеизма. Отчасти это происходит потому, что в зарубежной науке нет понятия «абсентеизм»: вместо него пользуются термином «неучастие» или, иногда, «апатия». В то же время, говорить о близости концепций апатии и абсентеизма не приходится. Апатия, в отличие от абсентеизма, является широким культурным явлением, затрагивающим сферы жизни общества, изучаемые несколькими различными социальными науками. Сегодня чаще всего под широким понятием «апатия» подразумевают политическую апатию [См.: Федотова, 2005]. В таком случае апатия – это феномен политической жизни, вызванный безразличием индивидов и групп к политике и политической системе.

Интересен взгляд на апатию, представленный американским

исследователем Томом ДеЛюкой. Он выделяет два «лица апатии»: суть первого заключается в добровольном решении не делать выбор, суть второго основана на зависимости «невыбора» индивида от внешних условий или психологических установок [DeLuca, 1995, p. 181]. Таким образом, политическая апатия является значимым понятием, которое основано на бездействии, равнодушии и незаинтересованности индивида или групп в политике. Тем не менее, его сравнение с понятием аномии указывает на один существенный недостаток в использовании концепции политической апатии для анализа ситуации в современной России. Апатия концентрируется на бездействии индивида или группы, в то время как аномия исследует также девиантные действия. Апатия же неспособна объяснить многие феномены российской жизни, происходящие из-за рассогласования норм.

Проведение сравнительного анализа концепций аномии, абсентеизма и апатии показывает, что только аномия способна наилучшим образом описать тенденции, существующие в российском обществе. В данном разделе была постулирована необходимость применения концепции политической аномии для анализа общественно-политической ситуации в постсоветской России. Однако остается невыясненным еще один вопрос: насколько необходима выработка еще одной концепции для анализа российского общества? Не является ли аномия «лишней гипотезой», нарушающей правило «бритвы Оккама»?

Представляется, что политическая аномия способна стать той концепцией, которая обобщает и связывает многочисленные наблюдения за распространенностью девиантного поведения в России. Она позволяет выйти за рамки транзитологической парадигмы и предлагает альтернативную интерпретацию процессов, существующих в российском обществе. Дополнение концепции политической аномии идеей о значимости посттоталитарного синдрома позволяет проследить ее развитие

на разных этапах распада советской системы власти, а включение в концепцию аномии различных элементов, свидетельствующих о неопределенности и рассогласованности норм в обществе (коррупции, нарушения прав человека), позволяет проводить их эмпирические измерения и делать практические выводы о степени аномизации российского общества.

Наконец, политическая аномия дает возможность комплексного анализа нескольких уровней общественных отношений: уровня институтов, общества и отдельных индивидов. Таким образом, концепция политической аномии однозначно не является лишней в группе социальных теорий, при помощи которых исследуется современное российское общество. Она должна стать надежным инструментом для социальных исследователей, желающих понять причины и особенности развития постсоветской России. Исследование политической аномии необходимо и актуально, так как оно способно помочь в борьбе с развивающейся морально-нормативной неопределенностью.

Заключение

В данной статье предлагался анализ концепции социальной и политической аномии и основных подходов к ее изучению. Задача заключалась в том, чтобы доказать полезность концепции аномии для исследования современного российского общества. Для решения данной задачи был проведен анализ эволюции концепций аномии и выделены следующие ее элементы: рассогласование норм, утрата индивидами ориентиров и целей, неопределенность положения и статуса индивидов и групп, девиантное поведение индивидов и групп, отсутствие социальной рефлексии и негативизм по отношению к происходящим процессам. Затем концепция аномии была экстраполирована на российское общество. Было показано, что российская аномия носит политический характер, так как

главным источником ее распространения являются государственные институты. Кроме того, был выделен главный элемент постсоветской политической аномии: им стал посттоталитарный синдром, описанный в работе Льва Гудкова и Бориса Дубина. На заключительном этапе было проведено сравнение концепции аномии с похожими концепциями – абсентеизмом и апатией. Было показано, что только концепция политической аномии позволяет наиболее подробно проанализировать ситуацию, сложившуюся в постсоветском российском обществе. В завершение анализа была доказана актуальность концепции политической аномии и ее полезность для социологов и политологов. В итоге, можно сделать вывод, что в российском обществе существует проблема политической аномии – производимой политической системой ситуация затяжного распада советской (тоталитарной) системы власти и поддерживающей ее структуры социума, при которой происходит рассогласование декларируемых и реальных норм, распространяется неопределенность относительно статусов индивидов и групп, происходит борьба конфликтующих морально-нормативных идей, ощущается недостаток рефлексии и целеполагания как в государственной организации, так и в обществе.

Литература

1. Головаха Е.И., Панина Н.В. Постсоветская аномия: особенности выхода из состояния аномической деморализованности в России и на Украине // *Общественные науки и современность*. – 2008. № 6. – С. 5-10.

2. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Посттоталитарный синдром: «управляемая демократия» и апатия масс / Под ред. М. Липман и А. Рябова // *Пути российского посткоммунизма: Очерки* – М.: Изд-во Р. Элинина, 2007. – 307 с.

3. Джандубаева З.З. Абсентеизм как феномен современной российской практики: Автореф. канд. соц. наук: 22.00.04. – М.: 2005. – 22 с.
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Том первый – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 420 с.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда – М., 1996.
6. Капустин Б.Г. Конец транзитологии? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // Полис. – 2001. – №4.
7. Ковалева А. И. Аномия // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 4. – С. 155-156.
8. Кордонский С.Г. Россия. Поместная федерация. – М. Издательство «Европа», 2010. – 312 с.
9. Кривошеев В.В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социологические исследования. – 2009. – №3 – С. 57-67.
10. Левада Ю. «Человек советский» 1989–2003 // Вестник общественного мнения. – 2004. – № 5 (73).
11. а.Мертон Р. Связи теории социальной структуры и аномии / Под ред. Добренкова В.И. // Американская социологическая мысль. – М., 1994.
12. б.Мертон Р. Социальная структура и аномия / Под ред. Добренкова В.И. // Американская социологическая мысль. – М., 1994.
13. Одинцова М.И. Институциональная экономика. – М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2009. – 397 с.
14. Олейник А.Н. Общество неопределенности: институциональная перспектива // Экономическая политика. – 2007. – №1 (5). – С. 33-47.
15. Сатаров Г. Россия и коррупция-2010: кто кого // Экспертный канал «Открытая экономика» [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.opes.ru/1250032.html>

16. Федотова В.Г. Апатия на Западе и в России // Вопросы философии. – 2005. – №3.

17. Феофанов К.А. Социальная аномия: обзор подходов в американской социологии // Социологические исследования. – 1992. – № 5. – С. 88-92.

18. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Наука, 1992. – 176 с.

19. Brooks R.H. The anatomy of anomie // Political Science. – 1951. – № 66 (3). – P. 44-51; 1952. – № 66 (4). – P. 38-49.

20. DeLuka T. The two faces of political apathy. – Philadelphia, 1995. – 285 p.